

Гума (□□) обычно старшая сестра отца.

Гуфу( □□) - муж тёти по отцу.

?Нишенг (□□) грубо переводится как псевдожизнь/мимикрия жизни.

После всего, что произошло сегодня, я был ужасно голоден. В семь часов я пошел с А-Цзюнем в ресторан, оформленный в японском стиле.

Как только я пролистал меню, инья отскочил в сторону.

Его круглые глазки с любопытством завертелись, прыгая на стол, потом на стены, а потом снова прыгнул мне на плечо, как непослушный ребенок, играющий сам по себе без всяких забот в этом мире.

К счастью, кроме А-Цзюня и меня, никто больше не мог видеть черный комоч шерсти.

Но я никогда не думал, что нечто, поглотившее меня, будет выглядеть так.

По словам А-Цзюня, рот инья не имел формы и мог расширяться до бесконечности. В далеком прошлом он мог даже поглотить небеса и землю, и все, что съест инья, в конечном итоге окажется в безграничной тьме.

«Э-э, а почему это звучит так, будто... в желудке у инья помещается целая вселенная?»

Я не мог не рассмеяться вслух.

Честно говоря, я все еще отчасти не верил словам А-Цзюня.

Мне казалось, что он рассказывает мне какую-то историю, но, по крайней мере, это звучало довольно интересно.

«Верно, ты говоришь, что инья любит проказничать, но почему он выбрал меня для розыгрыша?» - Спросил я мимоходом, пока ел.

«Потому что тебя что-то беспокоит.»

Я поднял голову, не совсем понимая.

А-Цзюнь посмотрел на меня: «Инья не могут говорить, но они могут наблюдать, что омрачает самую глубокую часть человеческого сердца.»

«Ч-что это значит...»

«Сяо Мо, что-то случилось? Есть ли что-то, что продолжает преследовать тебя?»

Услышав это, я некоторое время не мог ничего сказать.

А-Цзюнь налил себе чашку саке, выпил ее и медленно сказал: «Если ты не возражаешь, ты не хочешь рассказать мне?»

Я посмотрел на него и после долгого молчания, наконец, кивнул головой.

Я никогда и никому не рассказывал об этом раньше.

Могло быть от страха, или потому что независимо от того, что я сказал бы им, никто не поверил бы мне.

Это случилось около двух месяцев назад, как раз тогда, когда я возвращался из своей выпускной поездки и проезжал мимо города К.

На окраине города К., была невероятно маленькая деревня.

В этой деревне жил один из моих дальних родственников.

Однажды, когда я учился в начальной школе, я жил с этой родственницей на время каникул. Я называл ее «Гума».

У гумы была дочь на год старше меня. Я не знал ее полного имени, но звал ее «А-Ин».

Я играл с А-Ин каждый день, ловил воробьев в поле, ловил рыбу и вместе ел пирог гумы с фасолью. Двое тогда еще ничего не подозревающих ребенка провели время радостных дней друг с другом. Когда мои родители приехали, чтобы забрать меня, А-Ин плакала.

Я тоже не мог расстаться с ней и пообещал ей, что снова приду играть. Но мне было жаль, что мои родители были слишком заняты работой, и я так и не вернулся в ту маленькую деревню.

И вот так просто прошло десять лет.

По какой-то причине мне вдруг захотелось вернуться в это место. И на обратном пути из моей выпускной поездки, я поехал в город К самостоятельно.

Деревня в моих воспоминаниях была расположена в центре горной гряды, с приятным сельским пейзажем и добропорядочным образом жизни.

После часа метаний в машине, я наконец-то добрался до того места, куда приезжал много лет назад.

К моему удивлению, гума совершенно забыла обо мне.

Сколько бы я ни старался напомнить ей, как ни старался объяснить, что какое-то время жил в ее доме, она не могла вспомнить, кто я такой.

Я немного растерялся, но, к счастью, А-Ин узнала меня с первого взгляда.

Эта маленькая семилетняя девочка выросла в стройную и элегантную женщину. Увидев меня внезапно появившейся, она разрыдалась.

Воссоединившись со старым другом, я был глубоко тронут, но почему-то в глубине души чувствовал, что с жителями этой деревни что-то не так.

Они были теми же самыми людьми, с тем же самым пейзажем, и хотя время пролетело быстро, это не означало, что люди изменялись, как изменялись вещи.

Ничего не изменилось, все как раньше.

Что же тогда было не так?

Спустя долгое время, я был поражен ужасающим осознанием—

Это было так странно, потому что ничего не изменилось!

За исключением А-Ин, все люди в деревне нисколько не изменились!

Гума и гуфу не постарели, казалось бы, так же молоды, как и раньше; деревенский староста, который уже приблизился к столетнему возрасту, все еще был силен и здоров, даже так, что был еще более здоровее, чем раньше; что было за разумными пределами, хотя, был ребенок по имени «Сяо Доуцзы», живущий по соседству. Десять лет назад ему было от трех до четырех лет, и десять лет спустя он все еще выглядел как трехлетний ребенок!

Все в деревне, судя по всему, отделились от мирского мира, и течение времени, казалось, не имело на них никакого влияния.

Странности на этом не кончились.

Выражение лица каждого жителя деревни было невероятно жестким, как будто они были смазаны толстым слоем клея. Когда они говорили или смеялись, их лицевые мышцы неестественно дергались.

Кроме того, не только гума забыла обо мне. Соседи, с которыми я когда-то был знаком, тоже совершенно меня не помнили.

Стоя в этой знакомой и в то же время незнакомой деревне, глядя на каждое лицо, которое я когда-то знал, я чувствовал, что за исключением А-Ин, эти люди не были теми жителями деревни, которых я знал.

Но если это были не те жители деревни, которых я знал, то кто же они?

Я недоуменно посмотрел на А-Ин, но она отвела глаза.

Атмосфера вокруг этих деревенских жителей становилась все более странной.

Наблюдая, как небо постепенно темнеет, А-Ин потянула меня в сторону: «Сяо Мо, Не оставайся здесь больше. Не возвращайся, просто веди себя... веди себя так, как будто ты никогда не приходил сюда и что ты не знаком с нами.»

Я покачал головой и не смог удержаться от вопроса: «Что здесь произошло? Почему все ... все ... все так себя ведут? Почему твои родители все еще в том же возрасте, что и раньше? Почему Сяо Доуцзы не вырос? Почему?»

А-Ин вздохнула и сказала: «Я тоже не знаю причины.»

«Ты не знаешь?»

Она кивнула: «Сяо Мо, ты помнишь про заднюю часть горы?»

«Заднюю часть горы?» - Я моргнул и, вспомнив, сказал: «Место, куда гума всегда напоминала нам никогда не ходить?»

«Да. Никому не было позволено войти в то место, это передавалось из поколения в поколение. Хотя никто не знал причину, все принимали это правило близко к сердцу, из поколения в поколение, до тех пор, пока...»

А-Ин сделала паузу, как будто пытаясь собраться с мыслями.

Через мгновение она продолжила: «Но вот однажды на внука деревенского старосты А-Хая напала стая волков во время охоты. Его травмы были критическими, и врачи сказали, что его нельзя спасти. Жена старосты была так убита горем до потери сознания. Чтобы его близкие не увидели, как он умирает, А-Хай заставил себя улизнуть из деревни и спрятаться в глубине горы, где никого не было, спокойно ожидая смерти. Но по какой-то причине, всего через несколько дней, он вернулся. Он был не просто жив, все его раны были полностью исцелены—»

«Его раны полностью зажили?»

Я был поражен.

А-Ин кивнула: «Когда жители деревни увидели его, А-Хай был совершенно силен и здоров, не было видно ни единой раны. Единственная проблема заключалась в том, что он, казалось, потерял свою память и не знал никого из нас, включая его родителей и близких родственников.»

«У него была амнезия?»

«Да.» - А-Ин посмотрела на меня: «Но тогда, что беспокоило людей больше, чем его амнезия, почему он все еще был жив? Даже врачи сказали, что он не выживет, так как же было возможно, что он полностью выздоровел всего за несколько дней?»

«Вот именно, как?»

Я не мог не спросить об этом.

А-Ин покачала головой: «В то время никто не знал, только то, что их вопросы определенно будут найдены на задней части горы. Жители деревни проголосовали, и все решили исследовать это место.»

«Ты тоже туда пошла вместе с ними?» - Спросил я ее.

«Я туда не ходила.»

А-Ин покачала головой: «Я была молода, а старые и молодые остались в деревне. А-Хай и его отец, повел группу крепких мужчин в горы.»

«Что произошло дальше? Они что-нибудь обнаружили?» - Настойчиво спросил я.

«Да. Они обнаружили дерево.»

«Дерево?»

Я нахмурился, ничего не понимая.

След боли постепенно появился на лице А-Ин и она пробормотала: «Это все из-за того дерева, деревенские жители стали такими, все из-за этого дерева...»

Я все больше терялся в догадках.

А-Ин, казалось, немного успокоилась: «Я никогда не видела этого дерева, потому что всем молодым женщинам было запрещено ходить на заднюю часть горы, но по словам других, это дерево огромно, возвышающееся высоко над облаками. Его зеленые и пышные ветви достигают ста метров, а толстый ствол дерева не может быть окружен даже десятью людьми.»

«Говорят, что этому дереву должно быть больше нескольких тысяч лет, но никто раньше не видел такого дерева, и его невозможно определить. Они только знают, что светло-фиолетовая сыворотка выделяется из его коры, и что она дает мистический целебный эффект.»

Услышав это, я вдруг все понял. Я был поражен: «Так внук деревенского старосты был исцелен этой сывороткой? Это дерево спасло ему жизнь?»

«Мм, судя по следам крови, ведущим к дереву, они предположили, что А-Хай, который был на грани смерти, должно быть, опирался на это дерево и был смазан сывороткой.»

А-Ин горько усмехнулась: «С того дня весть о «тысячелетнем дереве, обладающем силой исцеления», распространилась по всей деревне, и это дерево почиталось как благочестивое дерево. Каждая семья принесла бутылку, чтобы собрать сыворотку, назвав ее «всемогущим лекарством.»»

«Независимо от того, был ли это ожог, синяк, порез или даже смертельная рана, пока вы применяете эту сыворотку, раны немедленно заживут, не оставив ни единого шрама. Эффекты были гораздо более чудесными, чем можно себе представить, настолько, что... настолько, что было.. это было...»

«Было что?»

Я нахмурился.

А-Ин опустила голову, бормоча: «Однажды, Сяо Доуцзы из соседнего дома попал в автомобильную аварию, я своими глазами видела, как шины автомобиля катились на его голове... но, после использования фиолетовой сыворотки, его голова была медленно восстановлена... и Сяо Доуцзы был оживлен...»

«Это... правда?»

Я был совершенно шокирован.

Я и представить себе не мог, что существует лекарство, способное оживить мертвеца!

«Клянусь, это абсолютная правда. Но после того, как Сяо Доуцзы был возрожден, за последние десять лет он ни разу не вырос из этого трехлетнего вида... на самом деле, это не только Сяо Доуцзы, время, кажется, остановилось для каждого человека, кто использовал эту сыворотку. Они никогда не умрут или состарятся ... но в качестве цены, они потеряют часть своих воспоминаний... но никто не волновался об этом, потому что они все хотят жить вечно...»

А-Ин болезненно улыбнулась, подняв голову и посмотрев на меня: «В этой деревне все, кроме меня, пользовались этой сывороткой. Вот почему тебя никто не помнит.»

Я на мгновение растерялся, а потом покачал головой: «Нет, я не думаю, что это так просто,

как потеря части воспоминаний. Я думаю ... я думаю, что эти жители деревни-не те же самые люди, которых я знал раньше. А-Ин, я думаю, что тебе больше не следует оставаться в этой деревне, Почему бы тебе не покинуть это подозрительное место вместе со мной?»

А-Ин сделала шаг назад, качая головой: «Нет, я не могу уйти. Даже если они потеряли свои воспоминания, они все еще мои родители, мои родственники, мои друзья. Сяо Мо, ты должен поторопиться и уйти! Никогда больше не возвращайся, уходи, быстро!»

С этими словами она потащила меня к выходу из деревни.

Но неожиданно, толпа уже собралась перед входом, их лица несли жесткие и гротескные улыбки, которые смотрели прямо на меня.

Гума подошла, держа в руке тесак: «Сяо Мо, так скоро уезжаешь?»

Я был напуган этим скоплением сил, на мгновение не зная, что сказать.

А-Ин вышла вперед: «Мама, пожалуйста,пусти Сяо Мо.»

«А-Ин, ты же знаешь, что за все эти годы мы ни разу не отпускали посторонних, когда они входили в деревню. Им придется остаться здесь навсегда.»

«Да! Никогда не уходят! Остаются здесь навсегда!»

«Остаются! Остаются!»

Жители деревни хором кричали и улюлюкали, медленно окружая нас обоих.

А-Ин внезапно бросилась вперед, блокируя мать, повернув голову, чтобы крикнуть мне: «Сяо Мо, беги!»

«Но...»

«Никаких «но»! Беги!» - Взревела она.

Я с сожалением стиснул зубы и, топнув ногой, повернулся, чтобы бежать.

Не успел он пробежать и десяти метров, как раздался леденящий кровь крик.

Я обернулся и с ужасом увидел, как мать А-Ин обезглавила ее, свежая кровь пролилась на землю, голова отлетела и скатилась в овраг рядом с полями.

Я от ужаса споткнулся, рухнул на землю, больше всего на свете желая бежать обратно к А-Ин, но смог только подняться, сдерживая слезы, и продолжать бежать, спасая свою жизнь.

Я не знал, как долго и сколько я бежал, но я бежал до тех пор, пока все мои силы не иссякли, пока я не смог двигаться, и я постепенно остановился.

Деревенские жители, преследовавшие меня, исчезли, и я прислонился к скале. Я все еще не оправился от шока, тяжело дыша, бессильно соскользнул на землю. Думая об А-Ин, слезы текли по моему лицу.

По мере того как заходящее солнце уменьшалось, небо темнело.

Я долго стоял на тропинке вдалеке от деревни, думая, что мне следует сообщить об этом в полицию. Но мой телефон выпал из моей руки в процессе побега ранее, а поблизости не было телефонной будки.

После трехчасовых колебаний, вплоть до половины десятого вечера, я принял смелое решение. Я решил тайком вернуться в деревню, чтобы посмотреть на нее.

Даже если это решение было слишком импульсивным, и я не должен был возвращаться один, прежде чем подтвердить случай с А-Ин своими глазами, у меня не было сердца, чтобы покинуть это место.

В такое пустынное место, как эта маленькая деревня, для них уже наступила глухая ночь в девять часов. Я прокрался обратно.

Чем ближе я подходил к деревне, тем отчаяннее билось мое сердце.

А-Ин молча лежала на грязи рядом с полями, под темной и мрачной дымкой лунного света.

Вокруг никого не было, и я собрался с духом, чтобы медленно двинуться вперед.

Темно-коричневая земля была пропитана кровью, концентрированный запах распространял ветер.

Кроме запаха крови, я чувствовала в воздухе еще какой-то слабый, слабый запах.

Я присел на корточки рядом с трупом А-Ин. Ее череп был возвращен на прежнее место, а шея покрыта вязкой и прозрачной сывороткой. Эта сыворотка была тем, что выделяла этот запах.

Вероятно, это было всемогущее лекарство, сыворотка, выделяемая тысячелетним деревом.

Было ли это «лекарство» действительно таким чудесным? Оно действительно кого-то оживит?

С некоторым любопытством и сомнением я продолжал наблюдать за трупом А-Ин с тяжелой душой.

Я ждал, и когда наступила полночь, А-Ин действительно медленно села!

Ее глаза не открывались, лицо ничего не выражало, она сидела как кукла.

Из макушки на ее голове поднимался пучок, поднимаясь все выше и выше, пока что-то не вытянулось из его конца. Оно медленно разворачивалось, превращаясь в тонкую и плоскую поверхность.

Глядя на него, можно было подумать, что на макушке А-Ин был круглый прозрачный лист лотоса.

Этот «лист лотоса» светил чистым сиянием в лунном свете, рассеивая слегка сладкий аромат.

Что... что это?

Прежде чем я успел рассмотреть его поближе, лист лотоса внезапно сложился с хлопком, окутав все лицо А-Ин, как кусок тонкой прозрачной мембраны, плотно прилипнув к ее коже.

«А-а-Ин...»

Я пробормотал её имя.

А-Ин медленно открыла глаза и посмотрела на меня пустыми-пустыми глазами. Через некоторое время её лицо расплылось в застывшей и незнакомой улыбке, и она, как марионетка на веревочке, неуклюже встала. Ни разу не оглянувшись на меня, она повернулась, шаг за шагом шла сквозь густую ночную сцену, медленно удаляясь.

Я долго стоял там, прежде чем, наконец, пришел к осознанию.

Она уже не была той А-Ин, которую я знал. А-Ин, которую я знал, больше не было в этом мире.

Произнеся все это на одном дыхании, боль словно камнем встала у меня в горле, на мгновение лишив меня возможности дышать.

Я поднял голову и вылил себе в рот чашку с сакэ.

А-Цзюнь сидел на своем месте, серьезно слушая, и прямо до тех пор, пока я не закончил говорить, он медленно сказал: «Это дерево было нишенг.»

«Нишенг?»

Я растерянно посмотрел на него.

А-Цзюнь кивнул: «Проще говоря, это вид, который находится между растений и животных. Они любят человеческий образ жизни, но устроены как растение.»

«Они устроены, как растение, но любят человеческий образ жизни?»

Я наклонил голову набок, не в силах понять: «Что ты имеешь в виду?»

А-Цзюнь налил мне чашку sake и сказал: «Любовь к подражанию людей является основной характеристикой каждого вида нишенга, но существует более тысячи видов. Они обычно прячутся от глаз человеческого мира, и оказывается, что дерево, о котором ты упомянул, было одним из них.»

Сказав это, А-Цзюнь немного помолчал, а затем сказал: «Судя по тому, что ты сказал, я предполагаю, что дерево должно быть его первоначальной формой, и эти жители деревни - это дети, «имитирующие форму человека», которые он размножило.»

«Размноженные дети?»

Я нахмурился, все больше и больше недоумевая по мере того, как слушал.

А-Цзюнь отхлебнул sake, медленно объясняя своим обычным неторопливым и ровным тоном: «Используя человеческие термины, чтобы описать; светло-фиолетовая сыворотка, выделяемая нишенгом, была его яйцами. Когда яйцеклетки проникали через раны, они быстро поглощают питательные вещества и полностью инкубируются за короткое время, занимая тело человека.

Лист лотоса, растущий на макушке головы той женщины, был яйцеклеткой, пытающейся инкубироваться. Закончив инкубацию, тот вид нишенга успешно был бы засажен в человеческое тело—»

«Итак, тем человеком, которого я видел ... на самом деле не был А-Ин, а тем, что было произведено нишенгом?»

Я не мог не прервать А-Цзюня, мои глаза расширились от шока

А-Цзюнь кивнул.

«Значит, все жители деревни были захвачены нишенгами... а тех, кто еще был жив... всех...»

Я не смог закончить предложение.

Я с болью закрыл глаза, и в моей памяти всплыли знакомые лица.

Гума, гуфу, староста деревни, Сяо Доуцзы из соседнего дома, и ... и А-Ин...

Все эти люди исчезли.

Но если я кому-нибудь расскажу, мне никто не поверит.

Я мог только молчать.

Иняо, казалось, почувствовал что-то неладное в атмосфере. Он больше не прыгал туда-сюда, самодовольно сидя в углу, его огромные круглые зеленые глаза молча смотрели на меня.

Я опустил голову, выпивая одну чашку за другой.

Горячий и резкий алкоголь хлынул в мое горло, прожигая его.

А-Цзюнь не пытался утешить меня, просто молча был со мной, пока я пил.

Мы вдвоем пили до полуночи.

Я пил до головокружения и, пока крепко не уснул, не зная как, я ушел.

Сквозь туман моего сознания я слышал, как А-Цзюнь зовет меня.

Но мне было непонятно, о чем он говорит. Я изо всех сил старался открыть глаза, одаривая его сонной улыбкой, и когда моя голова опустилась, я снова заснул.

<http://tl.rulate.ru/book/17449/365512>